

18+

ЛУЗГИН В.Г.

РОДОВЕСТЬ

ЭПОС ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

ВО ВСЯКОМ СЛОВЕ ЖИВЁТ ДЫХАНИЕ ПРЕДКОВ

КНИГА 2

КНИГА ПАМЯТИ РОДА,
НАРОДА И ЗЕМЛИ

Владимир Лузгин

**Родовесть. Эпос
вечной памяти. Книга 2**

«Издательские решения»

Лузгин В.

Родовесть. Эпос вечной памяти. Книга 2 / В. Лузгин —
«Издательские решения»,

Книга обращается к огромному культурному пространству, в котором сохранились свидетельства о древних верованиях, богах и духах, героях и мифологических существах, обрядах и праздниках, народных преданиях, былинах, сказках и песнях. Здесь встречаются Перун, Волос, Дажьбог, Стрибог, Мокошь, Род и Рожаницы, а рядом с ними — Полевик, Леший, Русалки, Вий, Змей Горыныч, Соловей-разбойник, Лихо и другие образы, прошедшие через многовековую историю народной памяти и литературы.

© Лузгин В.

© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	9
ЭПОС. СКАЗКА РОДОВЕСТЬ	17
Песнь Первая — О Яви, Нави и Прави	17
ПЕСНЬ ВТОРАЯ — О ДУХАХ И БОГАХ	19
ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ — О ИСПЫТАНИЯХ И ГЕРОЯХ	22
ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ — О СОЕДИНЕНИИ МИРОВ И ВЕЧНОМ КРУГЕ РОДА	25
Глава 23. Домовой	27
Глава 24. Кикимора	43
Глава 25. Леший	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Родовесть. Эпос вечной памяти. Книга 2

Владимир Лузгин

© Владимир Лузгин, 2026

ISBN 978-5-0071-2207-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-2208-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

«Во всяком слове живёт дыхание предков»

Есть книги, которые рассказывают о прошлом.

Есть книги, которые пытаются объяснить прошлое.

А есть книги, которые задают человеку вопрос:

Что останется от нас, когда нас самих уже не будет?

Я думаю, что первым ответом на этот вопрос является память:

— Человек уходит.

— Поколение сменяет поколение.

— Исчезают дома.

— Меняются города.

— Зарастают дороги.

— Реки меняют русла.

— Одни слова выходят из употребления, другие рождаются вновь.

Но пока кто-то помнит — человек не исчезает окончательно!

Пока произносится имя предка, пока рассказывается история семьи, пока сохраняется песня, пока читается древняя рукопись, пока исследователь поднимает из земли небольшой

предмет, оставленный человеком много веков назад, прошлое продолжает говорить с настоящим.

Именно из этого ощущения родилась **«Родовесть»**.

Я называю её **эпосом вечной памяти**.

Не потому, что мне хочется создать ещё одну легенду о далёкой древности.

И не потому, что я стремлюсь восстановить некую утраченную книгу древних славян.

Такой книги у нас нет!

— Перед нами остались фрагменты.

— Летописные строки.

— Отдельные имена.

— Археологические находки.

— Древние литературные памятники.

— Позднейшие фольклорные записи.

— Этнографические свидетельства.

— Народные песни.

— Сказки.

— Предания.

— Научные исследования.

И огромное пространство неизвестного.

Эта мозаика разбросана по векам и различным типам источников. Задача автора заключается не в том, чтобы объявить её целостной картиной прошлого, а в том, чтобы осторожно рассмотреть сохранившиеся фрагменты и попытаться понять, какие очертания исчезнувшего мира они позволяют увидеть.

Поэтому в «Родовести» необходимо постоянно различать то, что известно, то, что предполагается, и то, что создаётся автором.

Если имя сохранилось в летописи — я называю летописное свидетельство.

Если образ записан фольклористом в XIX веке — я не выдаю эту запись за непосредственный голос древнего человека.

Если исследователь предлагает гипотезу — я называю её гипотезой.

Если определённый образ сформировался в литературе — я рассматриваю его как часть литературной традиции.

Если сцена является художественной реконструкцией — она должна оставаться художественной реконструкцией.

Это ограничение не ослабляет книгу.

Напротив.

Именно граница между фактом и предположением позволяет сохранить уважение к прошлому!

Но «Родовесть» написана не только о прошлом.

Она написана о человеке.

О человеке, который однажды вышел из своего дома и посмотрел на мир:

— Он увидел солнце.

— Услышал гром.

— Увидел огонь.

— Почувствовал ветер.

— Вышел в поле.

— Вошёл в лес.

— Переправился через реку.

— Увидел рождение и смерть.

И задал вопрос:

— **кто мы?**

— **откуда пришли?**

— **что было до нас?**

— **что останется после нас?**

Из этих вопросов рождается память.

Из памяти — предание.

Из предания — слово.

Из слова — культура.

А культура становится мостом между поколениями.

Поэтому Род в «Родовести» — это не только происхождение:

— Это память.

— Язык.

— Имя.

— История.

— Традиция.

— Нравственный опыт.

— Ответственность.

Род соединяет тех, кто уже ушёл, тех, кто живёт сейчас, и тех, кто ещё только придёт в этот мир.

И здесь возникает главный вопрос книги:

Что мы получили от тех, кто был до нас, и что оставим тем, кто будет после нас?

Я сознательно называю эту книгу **эпосом**.

Эпос позволяет увидеть судьбу не только отдельного человека, но и целого мира.

Но «Родовесть» — это эпос особого рода.

Его главный герой не имеет одного имени.

Главный герой этой книги — **Память**:

— Она живёт в человеке.

— В семье.

— В народе.

— В земле.

— В слове.

— В предании.

— В камне.

— В старом названии.

— В песне.

— В книге.

— И иногда — в молчании.

Часть этой памяти дошла до нас.

Часть исчезла.

А часть мы можем только предполагать.

И, возможно, именно поэтому прошлое никогда не бывает окончательно завершённым.

Каждое новое поколение снова обращается к нему.

Снова задаёт вопросы.

Снова ищет ответы.

Снова открывает забытое.

И снова обнаруживает неизвестное.

Я не хочу закрывать неизвестное красивой легендой.
Если мы чего-то не знаем — это должно остаться неизвестным.
Если существует научный спор — он должен быть показан как спор.
Если источник допускает несколько толкований — читатель должен знать об этом.
Если образ возник значительно позднее описываемой эпохи — это необходимо учитывать.

Потому что неизвестное — не враг истории.

Неизвестное является частью истории!

И всё же даже среди фрагментов можно услышать голос времени:

— Иногда он звучит в имени.

— Иногда — в песне.

— Иногда — в сказке.

— Иногда — в археологическом предмете.

— Иногда — в строке древнего текста.

А иногда — в простой человеческой памяти.

Эта книга посвящена тем, кто был до нас!

Но в конечном счёте — она посвящена тем, кто будет после нас!

Потому что каждый человек является лишь временным хранителем того, что получил от предков.

Земля не принадлежит одному человеку навечно.

Она передаётся.

От поколения к поколению.

От рода к роду.

Так передаётся и память.

Так передаётся слово.

Так продолжается человек.

Поэтому я хочу, чтобы «Родовесть» читалась не как закрытая книга о далёком прошлом, а как разговор между поколениями.

Между теми, кто говорил до нас!

Нами!

И теми, кто однажды будет читать после нас!

Если эта книга поможет хотя бы одному человеку внимательнее услышать старое слово, задуматься над историей своей земли, вспомнить имя предка или почувствовать ответственность перед будущим поколением, значит, её путь был не напрасен.

Потому что пока существует память — существует связь!

Пока существует связь — продолжается Род!

А пока продолжается Род — прошлое не становится окончательно прошлым!

Так начинается «Родовесть»!

Так начинается эпос вечной памяти!

Во всяком слове живёт дыхание предков!

ВВЕДЕНИЕ

«Родовесь» как художественная реконструкция древнего мира

Прежде чем перейти к повествованию, необходимо определить, **что именно следует понимать под «Родовесью»**, на каких основаниях построена эта книга и где проходят границы между историческим знанием, народной памятью, научной реконструкцией и художественным воображением.

Название «Родовесь» в данном произведении употребляется как авторское понятие, соединяющее представления о **Роде** и **вести**, то есть о памяти, знании и повествовании, передаваемом от поколения к поколению.

В этом смысле Родовесь — не название некоего предполагаемого древнего текста, дошедшего до нашего времени, и не попытка представить художественное произведение как обнаруженную древнюю рукопись.

Родовесь — это авторская эпическая модель культурной памяти, созданная на основе исторических свидетельств, фольклорного наследия, древнерусской литературы, этнографических материалов, научных исследований и художественной реконструкции.

Перед нами не реконструкция «утраченной книги древних славян» и не попытка создать искусственный «священный текст» дохристианской Руси.

Перед нами — художественное путешествие в тот культурный мир, отдельные фрагменты которого сохранились в летописях, литературных памятниках, фольклоре, археологических материалах, этнографических описаниях и научных исследованиях.

Именно поэтому читателю необходимо постоянно различать **то, что известно, то, что предполагается, и то, что создано автором.**

1. Понятие «Родовесь»

Слово «Родовесь» в контексте этой книги приобретает особое смысловое значение.

Род здесь понимается как преемственность поколений, как связь человека с предками и последующими поколениями.

Весь — как передача знания, памяти и человеческого опыта во времени.

Соединение этих понятий образует авторский термин, который можно определить следующим образом:

Родовесь — это художественно осмысленная весть о памяти Рода, народа и земли, передаваемая через поколения.

Родовесь существует не только в письменном тексте.

Она может сохраняться:

- в летописной записи;
- в рукописи;
- в народной песне;
- в былине;
- в сказке;
- в предании;
- в обряде;
- в названии реки;
- в названии поселения;
- в археологическом памятнике;
- в семейной памяти;
- в литературном произведении.

Поэтому понятие Родовести в этой книге шире понятия летописи.

Летопись фиксирует события в письменной форме.

Родовесть рассматривается как **образ культурной памяти**, в которой письменное и устное наследие существуют во взаимосвязи.

2. Эпос и сказание в культуре восточных славян

Эпос относится к древнейшим формам человеческого повествования.

Его основная особенность заключается в стремлении рассказывать не только о частной судьбе человека, но и о судьбе сообщества, земли, народа, рода.

Эпическое повествование сохраняет:

- память о героях;
- представления о добре и зле;
- нормы поведения;
- идеалы мужества;
- отношение к родной земле;
- представления о справедливости;
- память о конфликтах;
- образы врага и защитника;
- представления о мире природы и сверхъестественном.

В восточнославянской традиции эпические формы представлены прежде всего былинной традицией, историческими песнями, преданиями, легендами и другими жанрами устного народного творчества.

Однако необходимо помнить, что современное представление о древнерусском эпосе сформировалось во многом благодаря **позднейшим записям фольклора**.

Большая часть известных нам былин была записана в XVIII—XIX веках.

Это означает, что между предполагаемым временем формирования отдельных сюжетов и временем их письменной фиксации может лежать несколько столетий.

Следовательно, фольклор нельзя читать как непосредственную стенограмму древности.

Но его можно рассматривать как **важнейший источник по исторической памяти народа**.

3. Устная память и письменная традиция

До появления письменности человеческая культура существовала преимущественно в устной форме:

- Знание передавалось через речь.
- Старшие рассказывали младшим.
- Сказители передавали сюжеты слушателям.
- Певцы сохраняли песни.
- Знахари и носители традиции передавали обрядовые знания.

Так формировалась система, которую сегодня принято называть **устной традицией**.

Устная традиция обладала одновременно двумя свойствами.

С одной стороны, она позволяла сохранять древние мотивы.

С другой — постоянно изменяла их.

Каждый рассказчик мог:

- менять отдельные детали;
- сокращать сюжет;
- добавлять новые элементы;
- адаптировать повествование к своему времени;
- заменять непонятные древние образы понятными современникам;

- соединять несколько сюжетных линий.

Поэтому фольклор всегда вариативен.

Письменная традиция устроена иначе.

Записанный текст получает материальную форму и становится относительно устойчивым.

Но и здесь абсолютной неизменности нет.

Средневековые тексты переписывались.

При переписывании возникали:

- ошибки;
- пропуски;
- вставки;
- редакторские изменения;
- сокращения;
- перестановки.

Именно поэтому современная текстология сопоставляет различные списки одного памятника.

Таким образом, устная и письменная традиции не следует противопоставлять как «ненадёжную» и «надёжную».

Они являются **различными механизмами передачи культурной памяти**.

4. Историческая реальность и мифологическая картина мира

Человек прошлого жил в мире, который воспринимался им иначе, чем современным человеком.

Современная наука объясняет грозу физическими процессами в атмосфере.

Для человека традиционного общества гроза могла восприниматься как проявление сверхъестественной силы.

Современный человек рассматривает смену времён года как естественный цикл Земли.

Традиционная культура могла наделять календарный цикл символическим и ритуальным значением.

Современный человек рассматривает смерть как биологическое прекращение жизни.

Традиционная культура могла воспринимать её как переход в иной порядок бытия.

Поэтому мифологическая картина мира не должна рассматриваться исключительно как собрание ошибочных объяснений природы.

Она являлась **целостной системой осмысления человеческого существования**.

В ней соединялись:

- природа;
- общество;
- семья;
- род;
- предки;
- календарь;
- пространство;
- смерть;
- рождение;
- труд;
- война;
- праздник;
- обряд;
- представления о сверхъестественном.

При этом задача современного исследователя заключается не в том, чтобы объявить такую картину мира исторически «правильной» или «неправильной».

Его задача — понять её внутреннюю структуру и исторический контекст.

5. Источниковая база книги

«Родовесть» опирается на несколько групп источников.

5.1. Летописные источники

Особое значение имеют:

- «Повесть временных лет»;
- Лаврентьевская летопись;
- Ипатьевская летопись;
- Новгородские летописи;
- Псковские летописи;
- другие древнерусские летописные комплексы.

Именно летописи дают важнейший письменный материал о ранней истории Руси, княжеской власти, христианизации и языческих культах.

Однако летописный текст всегда необходимо рассматривать в контексте времени его создания, редакции и переписывания.

5.2. Древнерусская литература

Важное место занимают:

- «Слово о полку Игореве»;
- «Слово об идолах»;
- «Слово Христолюбца»;
- другие древнерусские поучения против языческих обычаев.

Эти памятники особенно важны для понимания того, какие языческие представления продолжали существовать или воспринимались как существовавшие в древнерусском обществе.

Но христианские авторы описывали язычество **со своей полемической позиции**.

Поэтому их свидетельства нельзя механически превращать в прямое описание дохристианской религии.

5.3. Фольклор

Важнейший корпус составляют:

- былины;
- сказки;
- предания;
- легенды;
- песни;
- заговоры;
- поверья;
- былички;
- обрядовые тексты.

Особое значение имеют записи и публикации:

- Александра Николаевича Афанасьева;
- Владимира Ивановича Даля;
- Петра Васильевича Киреевского;
- Александра Фёдоровича Гильфердинга;
- Павла Николаевича Рыбникова;

- Дмитрия Константиновича Зеленина;
- других собирателей и исследователей.

При этом фольклорный материал в книге рассматривается с обязательным учётом времени и места его фиксации.

5.4. Этнографические материалы

Этнографические исследования позволяют изучать:

- календарные обряды;
- семейные обряды;
- представления о смерти;
- культ предков;
- народную демонологию;
- поверья о природе;
- традиционные формы поведения.

Эти материалы особенно важны для понимания того, как древние или предполагаемые древние мотивы могли продолжать существовать в изменённой форме в более поздней народной культуре.

5.5. Археологические материалы

Археология предоставляет иной тип свидетельства.

Археологический материал способен показать:

- структуру поселений;
- погребальные обряды;
- предметы быта;
- украшения;
- культовые предметы;
- особенности материальной культуры.

Но археологический предмет сам по себе не «рассказывает», как именно человек его воспринимал.

Его значение устанавливается посредством научной интерпретации.

Поэтому археология и письменные источники должны рассматриваться во взаимосвязи, но не смешиваться.

6. Методология реконструкции

Художественная реконструкция древнего мира является сложной задачей.

Она требует соединения различных типов материала, но одновременно — строгого контроля над степенью достоверности каждого из них.

Основным принципом книги является:

чем меньше прямых свидетельств сохранилось, тем осторожнее должна быть реконструкция.

Если определённый факт непосредственно зафиксирован источником, он может быть использован как историческое свидетельство.

Если имеются несколько косвенных свидетельств, возможна научная реконструкция.

Если источники позволяют только предполагать определённую связь, это должно быть обозначено как гипотеза.

Если же художественный текст требует создания сцены, диалога или внутреннего монолога персонажа, это относится уже к авторскому художественному уровню.

Именно поэтому «Родовесть» не пытается скрывать границу между документом и литературой.

Напротив, эта граница должна быть видимой.

7. Принцип разделения источников

Для того чтобы читатель мог понимать статус каждого существенного положения, в дальнейшем используется специальная система маркировки.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Эта маркировка используется тогда, когда утверждение подтверждается конкретным письменным источником.

В соответствующем месте указываются:

- название источника;
- датировка;
- автор или составитель, если известен;
- конкретный текст или статья;
- рукописная традиция;
- место хранения, если установлено;
- научное издание.

Пример:

ИСТОРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО. В летописной традиции содержится сообщение о языческих кумирах, поставленных князем Владимиром в Киеве.

Здесь принципиально важно, что маркировка относится именно к **факту наличия такого сообщения в источнике**, а не автоматически подтверждает все позднейшие интерпретации этого сообщения.

ФОЛЬКЛОРНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Эта маркировка используется для материала, известного из:

- народных преданий;
- сказок;
- былин;
- песен;
- поверий;
- заговоров;
- этнографических записей;
- других форм устной традиции.

По возможности указываются:

- собиратель;
- место записи;
- время записи;
- вариант сюжета;
- публикация;
- современное место хранения оригинальной записи.

При этом фольклорное свидетельство не объявляется автоматически свидетельством древности.

Оно свидетельствует прежде всего о **существовании соответствующего мотива в зафиксированной народной традиции**.

НАУЧНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Эта маркировка используется тогда, когда определённое представление является результатом научной интерпретации.

Здесь должны быть указаны:

- исследователь;
- научная работа;
- основные аргументы;
- используемые источники;
- существующие альтернативные точки зрения.

Если между исследователями существует спор, он не должен скрываться.

Напротив, наличие научной дискуссии является частью объективного представления материала.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ

Эта маркировка относится к образам, которые сформировались в литературе.

Особенно это важно для персонажей и мотивов, которые получили известность благодаря конкретным писателям.

В соответствующих случаях указываются:

- автор;
- произведение;
- дата создания или публикации;
- литературный контекст;
- отличие литературного образа от более ранней традиции.

Например, образ Вия в русской культуре невозможно рассматривать вне литературного произведения Н. В. Гоголя.

Поэтому литературный Вий и фольклорные представления о демонических существах должны рассматриваться как связанные, но не тождественные явления.

АВТОРСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Эта маркировка имеет принципиальное значение для всей книги.

АВТОРСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ — это художественное решение Владимира Лузгина, созданное на основе исторических, фольклорных, литературных и научных материалов.

К авторской реконструкции относятся, в частности:

- художественные диалоги;
- внутренние монологи персонажей;
- описания сцен, непосредственно не зафиксированных источниками;
- соединение различных фольклорных мотивов;
- художественная интерпретация пространства;
- авторское представление возможной картины мира;
- эпическое объединение разрозненных историко-культурных материалов.

Такие фрагменты не следует воспринимать как найденные документы.

Они являются частью **художественной ткани «Родовести»**.

Методологический принцип всей книги

Таким образом, читателю предлагается видеть перед собой не одну, а несколько реальностей:

- **историческую** — то, что подтверждается источниками;
- **фольклорную** — то, что сохранила народная традиция;
- **научную** — то, что реконструировали исследователи;
- **литературную** — то, что создали писатели;
- **авторскую** — то, что создаётся в пределах художественного мира «Родовести».

Эти уровни соприкасаются, но не должны быть механически отождествлены.

Именно такое разграничение позволяет сохранить одновременно **достоверность научного материала и свободу эпического повествования**.

«Родовесь» начинается там, где человек пытается услышать прошлое.
Но услышать прошлое — ещё не значит обладать полной истиной о нём.

Историк располагает источниками.

Фольклорист — вариантами народной традиции.

Археолог — материальными следами.

Филолог — текстами и их редакциями.

Литературовед — художественными произведениями.

А писатель создаёт из этого материала новый образ.

И потому задача автора состоит не в том, чтобы стереть границы между ними, а в том, чтобы **показать их и сделать частью осознанного чтения**.

В этом заключается главный принцип «Родовести»:

— **Не выдавать предположение за факт.**

— **Не выдавать поздний фольклор за древнюю летопись.**

— **Не выдавать литературный образ за исторического персонажа.**

— **Не выдавать авторскую реконструкцию за найденный источник.**

— **Но и не отказываться от права искусства говорить с прошлым языком художественного образа.**

Потому что прошлое нельзя вернуть буквально.

Но его можно **изучать, сохранять, осмысливать и — там, где это допустимо, — художественно реконструировать**.

И именно в этом пространстве между сохранившимся свидетельством и человеческим воображением начинается повествование **«Родовесь»**.

ЭПОС. СКАЗКА РОДОВЕСТЬ

Песнь Первая — О Яви, Нави и Правн

В начале времён, когда тьма и свет
Вплелись меж собою в дыханье рассвета,
Род возжёт искру в глубинах планет —
И стала Явь, как деяние света.
Над древней землёй протянулся покой,
Где солнце рождалось из тайны Нави,
И Правь — закон, не подвластный войне,
Уложил жизнь в порядок и славу.
Из Родова семени выросло всё:
И дуб могучий, и речка светлая,
И песнь людская, и пламя в костре,
И мысль великая, — заповедная.
В долине туманной, меж лесом и полем,
Люди трудились — в поту и в покое.
Явь их — работа, семья и тепло,
Где в каждом дыханье — дыханье бывшее.
Домовой у очага сторожит,
Чтоб не трепетал огонь без нужды;
Кикимора тихо у печи сидит,
Слышит шорох ветров и воды.
Леший из чащи клонится ветвями,
Глядит на детей, что в траве играют;
Полевик дышит над златыми злаками,
Словно дыханием землю благословляет.
И говорит старец, седой, как время:
«Трудись, человек, и храни закон.
Всякий твой день — как жертва и семя,
Всякий поступок — ответ Небесам.»
Но где-то в тених, под корнями дуба,
Тихо шептала невидимая Навь:
«Помни, о роде своём, душа людская,
Без памяти — путь твой станет тщетен.»
Там, где звёзды сквозь листья глядят,
Велес бродит меж теней и предков,
Хранит он мудрость веков и чад,
Сводит в одно — живущих и мертвых.
Навь не страшит — она хранит,
Она — дыханье земных корней,
И в тишине её душа звенит,
Как звон предвечных колокольной.
Там живут предки, что землю пахали,
Что слово держали, что Род воздавали;
Их шепот — в ветре, их думы — в воде,

Их сила — в крови, их память — в тебе.
А Правь сияет — невидимый храм,
Где сходит закон на Явь и на Навь.
Там Перун вершит молнией правду,
Там Велес хранит пути и устав.
Правь — не судья, а мерило всему,
Что строит, что рушит, что держит миры.
В ней кольца времён и судьбы людей
В едином Коло вращаются с верой.
«Знай, — говорит старец, — Правь — есть дыханье,
Что держит Явь и Навь в равновесьи.
Нарушишь её — и грянет страданье,
Соблюдёшь — обретёшь благовестие.»
Так мир трёх начал в круге живёт:
Явь — путь деяний, Навь — род и память,
Правь — небесный закон, что ведёт
Всё бытие в гармонии к знанию.
И в небе горит огонь Дажьбожий,
И реки шумят, и поля цветут,
И люди живут меж звёзд и тревог,
С верой в закон, что их души спасут.
Вечер спускается, старец у дома,
Смотрит на чад, что смеются в траве.
В глазах его — мудрость, в сердце — истома,
И шепчет он песнь о родной земле:
«Храни ж ты, человек, дыханье мира,
Не губи ни зверя, ни колоса, ни ветра.
Ведь всё вокруг — не просто пир,
Но Родова песнь — начальная мета.
Где Правь сияет, где Навь поёт,
Где Явь цветёт — там Коло вращает.
Всё едино — в том вечный ход,
Где жизнь, как солнце, не умирает.»
Так кончилась песнь о первых веках,
Где Род зажёг свет в земных облаках,
Где люди нашли в себе отраженье
В трёх мирах — в Яви, Нави, Прави спасенье.
И слышен был звон далёких ветров —
То пели предки, благословляя потомков:
«Береги Коло, блюди свой кров —
В тебе — начало, и в тебе — потомство.»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ — О ДУХАХ И БОГАХ

Встала заря над лесами седыми,
Шепчет трава, росой серебрится.
Солнце, рожденное Родом самим,
С крыльев Дажьбожьих струится и льется.
Ветер Стрибог по долинам бежит,
Песнь пробуждая над полем родным.
Каждая тварь во Вселенной дрожит,
Слыша дыханье богов неземных.
Сначала явилась Жива — богиня,
С ладонями светлыми, в венке из пшеницы.
Где ступит нога её — рожь прорастает,
Где глянет — цветок с солнцем сроднится.
«Я — дыханье земли, я — кров бытия,
В каждом ростке моя воля сияет.
Кто землю любит, того и земля
Благом своим во сто крат воздавает.»
Так шла она — меж нив золотых,
Между берёз, что к свету склонялись.
Люди кланялись Живе, стар и мал,
С песней, чтоб жизнь не прервалась.
За нею, в тиши, шла Лада-Мать —
Богиня семьи и любви священной.
В её глазах — мир, в устах — благодать,
И сердце — как утро безмятежное.
«Храните очаг, — говорила Лада, —
Берегите любовь, не держите зла.
Ведь дом — то храм, где душа нарождается,
А семья — как корень, питающий ствол.»
И в домах затеплился тёплый свет,
Заискрились очи у женщин и деток,
И Кикимора в уголке шептала:
«Порядок храните — и будет вам лето.»
Домовой у печи молча кивал,
Смотрел, чтоб лад в семье не пропал,
Чтоб старший заботился, младший слушал,
А труд не был тяжёлым, но душу грел.
В лесах темных, где тропы вьются,
Леший бродил меж корней и листвы.
Словно сам лес в нём воплотился,
Ветвями покрыт, духом Прави живы.
«Кто к лесу идёт — идёт с почтеньем,
Кто рубит — пусть шепчет слово прощенья.
Ведь лес не мёртв, он дышит и спит,
И всякий лист — от Вышня дарит.»
Ему помогал Полевик — брат земной,
Что стережёт хлеба, нивы, покосы.

Он — невидим, но всякий зной
Удержит словом, чтоб были росы.
«Береги землю, не рви без нужды,
И в тяжком труде не забывай хвалу.
Ведь Род глядит с небесной звезды,
Чтоб жизнь текла в едином кругу.»
У речных берегов, где ивы склонялись,
Водяной из глубин подымался седой.
Русалки, как свет, на волнах качались,
И пели о мире под песней весной.
«Я — память вод, — шептал Водяной, —
Воды несут образы Прави и Нави.
Где чиста вода — там чист человек,
Где муть и гнев — там беда и слабость.»
И дети, склонясь к реке у порога,
Учились внимать и слушать природу:
Ведь каждый ручей — то нить мироздания,
Где жизнь и смерть текут в согласии рода.
А в небесах, меж облачных грив,
Слышен был гром Перунов могучий.
Сверкала молния — знак Прави живой,
Что за грех карает и чистоте учит.
«Не ради страха, — гремел Перун, —
А ради Кона, что держит землю.
Кто правдой живёт, тому — Благодать,
Кто ложью — того огонь испепелит.»
Но рядом с ним, в тени облаков,
Шёл Велес — мудростью дышащий бог.
«Не только сила творит, — говорил он, —
Но мысль, что видит сквозь ночь и порог.»
Велес хранил тайны Нави глубокой,
Учил людей речи, учил ремеслу,
И тот, кто с верой к нему склонялся,
Приобретал знание и тихую силу.
Так жили боги и духи во свете,
Так шла земля по закону веков.
Явь — их деянье, Навь — их память,
Правь — их закон, невидим, но готов.
И старец седой, глядя в вечерний свет,
Молился: «Да будет так, как есть.
Пусть Коло вращает закон и труд,
Пусть Род сохранит наш путь и честь.»
А ветер Стрибожий понёс ту молитву,
К верхам, где звёзды горят, не остынут.
И слышно было, как в вышине
Лада и Жива поют о весне.
«Храни свой дом, — пела Жива, —
Храни свой Род, — вторила Лада. —
И в Коло вечном, где Правь и Навь,

Пусть Явь твоя будет светом и правдой.»
Так кончилась песнь о духах земных,
Что хранят очаги и тропы лесные,
Что воду ведут и хлеб оберегают,
Что учат любовью творить и жить.
И старец, склонясь к земле родимой,
Тихо сказал: «Все боги — не вдалеке.
Они — в дыханье, в труде и в сердце,
В каждом ростке, в каждой реке.»

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ — О ИСПЫТАНИЯХ И ГЕРОЯХ

Встала заря над землёй родовой,
Солнце сверкнуло над лесом густым.
Старец глядел на долину с любовью —
В сердце его говорили миры.
«Живёт человек не трудом единым,
Не хлебом лишь кормится дух.
Его судьба — быть испытанным миром,
Чтобы в огне обрести свой дух.»
Так говорил он детям у дома,
Глядя бороду, глядя в поля.
И ветер шептал из-за леса знакомо:
«В путь им пойдёшь — и судьба велика.»
В чаще лесной, под ветвями могучими,
Соловей-разбойник свистел над тропой.
Не птица он — дух испытаний и хитрости,
Что учит смекалке и правде земной.
«Эй, путник, — кричит он, — не всякий смелец
Сумеет пройти без ошибок моих.
Кто честен сердцем — тот выйдет с добром,
Кто горд и дерзок — вернётся в страхах своих.»
Смеются ветви, дрожит трава,
Эхо идёт по лугу, как молва.
И дети старца, внимая сказанью,
Поняли: в смелости — нужно знание.
Но в глубине, где туман густой,
Из мрака поднимался Вий златой.
Тяжёл его взор, как свинец земной,
А в очах — тайна Прави и Нави.
«Я вижу всё, — молвил он тихо, —
И страх, и доблесть, и помыслы лихи.
Кто смело в глаза мне взглянуть готов,
Тот обретёт в себе Божий зов.»
И дети смотрели на тьму без страха,
В каждом дрожала частица Рода.
Старец шептал им: «Вий не враг,
Он зеркало духа, что держит тебя.»
И Вий исчез, как туман над водой,
Оставив им знание — быть самим собой.
Но с севера вдруг, сквозь вихри и гром,
Вырвался змей — Горыныч трёхглавый.
Пламя гудит, земля горит,
Мир колеблется — хаос правит.
«Я — испытанье! — ревёт он с небес. —
Кто духом слаб — падёт от страха,
Кто в Правь поверит — тот устоит,
И в пламени страх свой превратит в знание.»

Дети дрожат, но старец стоит,
Взгляд его ясен, дыханье спокойно.
«Не бойся, чадо, — сказал он им, —
Хаос — учитель, а не война.»
Тогда Жива с небес окропила поля,
Перун молнией осветил края,
Велес шепнул: «В знании сила,
В вере покой, в терпении жизнь.»
И змей Горыныч, пламень потушив,
Упал в пучину и стал, как дым, —
Испытанье пройдено, хаос смирён,
Мир обретает покой и закон.
Но в тени под луной, меж ветвей густых,
Ворожея вышла с лицом ясным.
В её руках — сосуд времён,
В её словах — проречение судеб.
«О, дети Рода, — сказала она, —
Вижу в вас путь, что не знает сна.
Пройдёте страх, и пройдёте сомнение,
И дух ваш станет началом прозренья.»
И старец к ней с поклоном пришёл:
«Открой, Ворожея, судьбы узор.
Как жить нам в Прави, как Род чтить,
Как сердце от зла уберечь и любить?»
Она ответила: «Слушай природу,
В её дыханье — великая свобода.
Где буря шумит — будь тверд, как дуб,
Где тишина — храни любовь.»
А в чаще лесной, меж теней и ветвей,
Появилась Лиха — с глазом одним.
Взор её жёг, как холодный клинок,
И голос её был, как звон глубин.
«Осторожен будь, человек, — сказала, —
Всякая радость — тень испытаний.
Кто мудр в печали, тот свет в себе держит,
Кто тщеславен — падёт от сиянья.»
И дети старца поняли смысл:
Что сила — не крик, а тишина мыслей,
Что смелость — не бой, а стойкость сердца,
Что мудрость — не слово, а мера веры.
Так шли испытания — огнём и ветром,
Так Род испытывал души людей.
Соловей учил хитрости светлой,
Вий — смелости сердца в ночи теней,
Змей Горыныч — владычеству над страхом,
Лиха — вниманию к тьме и к свету,
А Ворожея — прозрению в Прави,
Где всё едино в великом обете.
Вечер настал. На поляне огонь,

Старец сидит у очага родного.
«Слушайте, дети, — шепчет он вновь, —
Всё, что страшит — то зов к обновлению.
Испытания — не казнь, а вратарь.
Кто их пройдёт — тот силу найдёт.
Так Коло вращает судьбы людей,
Ведя их в свет, что из Рода идёт.»
И ветер, что шёл от гор к долинам,
Подхватил ту песнь, понёс сквозь века.
И ныне звучит она в душах сильных,
В сердцах, где Род — не память, а сила.

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ — О СОЕДИНЕНИИ МИРОВ И ВЕЧНОМ КРУГЕ РОДА

Уж солнце склонялось за горы седые,
И дым костров струился в высь.
Старец стоял на пригорке родимом —
Слыша, как вечность в земле звенит.
«Пришёл мой путь к исходу земному, —
Сказал он тихо, глядя на свет. —
Но жизнь не кончается смертью телесной,
Лишь в Коло она меняет облик и след.»
И поднялся ветер — дыханье Стрибога,
И в небе рассыпались искры Перуна.
В водах рек отражался Велес,
Что мудрость свою к Нави клонит.
С гор спустилась Жива — в венке из трав,
В руках её — колосья и дети.
«Я — то, что рождает, — сказала она, —
Из смерти рождается вновь завет.»
За нею Лада — с улыбкой живою,
Несла за плечами венки из судеб.
«Где мир в семье — там Род не гибнет,
Где любовь живёт — не уходит свет.»
Из глубин, где вода шепчет песнь,
Вышел Водяной с Русалочьей свитой.
«Мы храним память о прошлом в волнах,
Чтоб человек не забыл свои корни.»
А из леса шёл Леший могучий,
С дубовым посохом, с силой Прави:
«Я берегу дыханье Земли,
И кто мне друг — тому и земля мать.»
Полевик поднялся над нивами златыми,
Поклонился солнцу и дому людскому.
«Труд твой — молитва, пот твой — обет.
В нём вечность звучит, как в колоколе медном.»
В небе грянул Перун — огнём и силой,
В молнии правды свет показал.
«Чти же закон, что Род начертал,
И будешь ты сыном Прави навек.»
Рядом стоял Велес — задумчив, в тени:
«Я — путь познания, я — глубины.
Без мудрости сила — лишь буря слепая,
Без силы мудрость — лишь сон пыли.»
И, обнявшись, два бога взошли над землёй —
Как день и ночь, как мысль и действие,
Две половины единой души,
Что держит мир на оси доверия.
Тогда Коло, великое, стало вращаться,

Ветер и дождь в нём сплелись воедино.
Явь и Навь к Прави вернулись вновь,
Как реки — к морю, как души — к Родине.
В Коло том звёзды и тьма танцевали,
Сезоны текли, как дыханье веков,
И каждый лист, и каждая травка
Шептали: «Всё в Роде, и Род — во всём.»
Змей Горыныч — стал бурей весенней,
Соловей — песней над полем родным,
Вий — прозрением в сердце человека,
А Лиха — напоминаем быть мудрым.
Домовой с Кикиморой берегли очаг,
Мокошь ткала узоры судеб,
А Чур стоял на границе села,
Храня мир от злобы, лжи и бед.
«Вот так, — сказал старец, — вращается Коло,
Где нет начала и нет конца.
Где жизнь и смерть — не враги, но братья,
Где Род — дыханье самого Творца.
Явь есть поступок, Навь — память рода,
Правь — закон, что ведёт через годы.
Кто живёт с верой, трудом и любовью —
Тот вечен, как солнце над небом свободы.»
И поднял он руки к небу в закате,
И молвил слова древней молитвы:
«Славься, Род! Ты в детях моих!
Ты в земле, воде, в песнях и битвах!»
И вдруг над долиной вспыхнул свет —
Не солнечный, не огонь костровой.
То Коло сияло — великий обет,
Что жизнь не кончается вечной тропой.
В нём переплелись судьбы и души,
Звёзды и травы, реки и птицы,
И голос Рода, как гром Перунов,
Воззвал к векам: «Живите в единстве!»
Так завершилась сказка живая,
Где каждый дух — не враг, а учитель,
Где сила — в доброте, мудрость — в терпении,
А человек — в Роде, и Род — в человеке.
И если ты, странник, прочёл до конца,
Почувствовал трепет в груди, как в былом, —
Знай: ты — наследник великих отцов,
Чей свет не гаснет под вечным крылом.
Так Коло вращается — вечно, нетленно,
В правде, в любви, в дыханье едином.
И Сказка Родовесть, как пламень святой,
Живёт в сердцах, где Род пробудился.

Глава 23. Домовой

Дом как сакральное пространство

Продолжая нашу Родовесть, мы вступаем в совершенно особый мир — мир, который находится не за пределами человеческого поселения, не в далёком лесу и не на границе известной человеку земли, а **внутри самого дома**.

До этого мы говорили о богах, о силах природы, о Роде, рождении, судьбе, жизни и смерти. Теперь перед нами возникает иной уровень народного мировоззрения.

Это мир духов, которые в традиционном сознании могли быть связаны с конкретным пространством человеческой жизни.

И первым среди них становится **домовой**.

Само название чрезвычайно выразительно.

Домовой — тот, кто связан с домом.

Но в традиционной культуре дом был не просто строением из дерева, камня или глины.

Дом являлся:

- местом рождения человека;
- местом его повседневной жизни;
- пространством семейного очага;
- местом хранения имущества;
- местом приготовления пищи;
- пространством рождения и воспитания детей;
- местом, где находились семейные святыни;
- местом памяти умерших предков;
- границей между «своим» и «чужим» пространством.

Поэтому представление о духе дома нельзя рассматривать только как фантастический образ.

Оно является частью гораздо более широкого представления о **сакральной организации человеческого пространства**.

1. Дом как граница между мирами

В традиционной культуре пространство никогда не было полностью однородным.

Была территория освоенная и территория неосвоенная.

Был мир человека и был мир леса.

Было своё селение и была чужая земля.

Был дом и было пространство за его порогом.

Порог при этом приобретал особое символическое значение.

Он разделял:

- **внутреннее и внешнее;**
- **своё и чужое;**
- **безопасное и опасное;**
- **освоенное и неизвестное.**

Поэтому многочисленные народные запреты, связанные с порогом, дверью, печью, углами дома и окнами, следует рассматривать в единой системе традиционной культуры.

Домовой в этой системе оказывается не случайным персонажем.

Он является **персонификацией самого порядка домашнего пространства**.

2. Очаг

Особое место в доме занимала печь.

В русской традиции печь была одновременно:

- источником тепла;
- местом приготовления пищи;
- центром семейного быта;
- местом, вокруг которого собиралась семья;
- символом домашнего благополучия.

Поэтому неудивительно, что многочисленные представления о домовых связывались именно с печью, подпольем, сенями, хлебом, хозяйственными постройками.

В старых поверьях домовый мог восприниматься как невидимый хозяин домашнего пространства, наблюдающий за тем, что происходит внутри него.

3. Домовой как хранитель порядка

В народном сознании домовый далеко не всегда являлся злым существом.

Напротив, в многочисленных поверьях он мог помогать хозяевам.

Его отношение к человеку зависело от того, насколько правильно ведётся хозяйство.

Домовой мог:

- охранять дом;
- помогать скоту;
- предупреждать об опасности;
- охранять имущество;
- поддерживать порядок;
- беспокоить тех, кто нарушает установившиеся правила.

Именно поэтому образ домового следует понимать не только как образ «духа».

Он одновременно выражал **нравственный порядок семьи**.

4. Домовой и семья

Домовой особенно тесно связан с понятием семьи.

В традиционной культуре дом редко воспринимался как пространство отдельного человека.

Это было пространство **семьи и рода**.

Здесь жили несколько поколений.

Здесь сохранялись вещи умерших.

Здесь рассказывали истории о предках.

Здесь дети впервые слышали имена своих дедов и прадедов.

Поэтому домовый мог приобретать черты старика, хозяина, деда.

Это обстоятельство особенно интересно.

Перед нами возникает образ, в котором соединяются:

дом → семья → предок → память → охрана.

5. Домовой и предок-хранитель

А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» связывал домового с представлением о родоначальнике и хранителе семейного очага. В его реконструкции домовый воспринимался как своеобразный образ основателя рода. Труд Афанасьева был опубликован в трёх томах в Москве в 1865—1869 годах; экземпляры и цифровые копии хранятся, в частности, в Российской государственной библиотеке и доступны через Национальную электронную библиотеку.

Эта интерпретация чрезвычайно важна для истории науки.

Однако здесь я хочу сразу провести границу.

Представление Афанасьева — это научная реконструкция XIX века, а не прямое свидетельство человека Древней Руси.

6. Почему домовой может выглядеть как старик

В народных описаниях домовой часто представляется стариком.

В частности, В. И. Даль приводит образ небольшого старика с бородой, в простой одежде; он также фиксирует различные региональные названия и варианты представлений о домовом. Его материалы были впервые опубликованы в 1840-х годах, а отдельное издание вышло посмертно в 1880 году.

Этот образ чрезвычайно символичен.

Старик в традиционной культуре — это:

- носитель опыта;
- хранитель памяти;
- свидетель прошлого;
- глава семьи;
- человек, знающий старые порядки.

Поэтому превращение домового в старика вполне закономерно с точки зрения народной символики.

7. «Дедушка»

Одно из характерных народных обращений к домовому — «дедушка».

Это слово особенно важно.

Домовой не просто «дух».

Он может быть представлен как **старший**, которого необходимо уважать.

Так возникает модель взаимоотношений:

семья — старший — память — порядок — защита.

И здесь домовой оказывается связанным с теми же представлениями, которые мы уже рассматривали в главах о Роде и предках.

8. Домовой и хозяйство

Дом в традиционном обществе был центром хозяйственной системы.

В нём находились:

- запасы пищи;
- зерно;
- одежда;
- орудия труда;
- домашняя утварь;
- скот и птица — в хозяйственных постройках;
- семейные ценности.

Поэтому благополучие дома было одновременно благополучием семьи.

Если в доме царил порядок, это воспринималось как признак правильной жизни.

Если же происходили необъяснимые события, им могло приписываться воздействие домового.

9. Когда домовой помогает

В народных поверьях домовой мог помогать хорошему хозяину.

Он мог:

- охранять имущество;
- следить за скотом;
- предупреждать о неприятностях;
- создавать ощущение безопасности;

- помогать сохранить домашний порядок.

Современный человек может воспринимать подобные представления как суеверие.

Но историк должен увидеть за ними другое.

Перед нами механизм **объяснения и символического закрепления социальных норм.**

10. Когда домовой сердится

Считалось, что домовой способен сердиться.

Причинами могли быть:

- беспорядок;
- ссоры;
- неуважение к дому;
- нарушение традиционных правил;
- плохое отношение к животным;
- небрежное ведение хозяйства.

Таким образом, домовой выполнял своеобразную функцию невидимого контролёра.

Он как будто говорил человеку:

Дом требует уважения!

11. Шум по ночам

Одним из наиболее распространённых мотивов народных поверий является ночной шум.

Если человек слышал:

- шаги;
- стук;
- движение предметов;
- скрип;
- странные звуки,

это могло интерпретироваться как присутствие домового.

Такие представления особенно интересны с точки зрения истории сознания.

Ночью обычное пространство становилось непривычным.

Темнота усиливала неопределённость.

Любой звук требовал объяснения.

Домовой становился культурным способом дать этому объяснение.

12. Домовой и предсказание

Особенно интересны поверья, согласно которым домовой мог предупреждать о будущем.

Его появление или необычное поведение иногда связывали с:

- болезнью;
- смертью;
- несчастьем;
- переменой в семье;
- пожаром;
- уходом кого-либо из дома.

В. И. Даль фиксировал представление о домовом как существе, которое могло показываться перед несчастьем.

Перед нами возникает ещё одна важная функция:

Домовой становится посредником между настоящим и неизвестным будущим.

13. Почему его появление считалось опасным

В народной культуре увидеть сверхъестественное существо непосредственно — уже само по себе было необычным событием.

Поэтому появление домового могло восприниматься как знак.

Причём значение знака зависело от обстоятельств.

Это характерная черта традиционной культуры:

Необычное событие редко воспринимается как случайность.

Ему ищут смысл.

14. Домовой и домашний скот

Особое место в поверьях занимала связь домового со скотом.

Для крестьянина корова, лошадь, овцы, свиньи и птица были не просто животными.

От них зависела жизнь семьи.

Поэтому здоровье животных имело огромное значение.

Если корова плохо доилась, лошадь беспокоилась ночью, а животные внезапно пугались, причина могла связываться с домовыми силами.

Домовой в таком контексте становился **хранителем хозяйственного благополучия**.

15. Домовой и конь

Особенно часто в этнографических материалах встречается связь домового с лошадьми.

Лошадь была одним из важнейших животных традиционного хозяйства.

Она:

- перевозила людей;
- перевозила грузы;
- использовалась в земледелии;
- обеспечивала связь между поселениями;
- имела большое экономическое значение.

Поэтому её состояние было важнейшим показателем благополучия семьи.

16. Домовой и волосы лошадей

В народных поверьях спутанные волосы на гриве лошади могли объясняться действиями домового.

Подобные объяснения одновременно:

- объясняли необычное явление;
- создавали мистическую картину мира;
- формировали осторожное отношение к животному;
- связывали состояние хозяйства с невидимым порядком дома.

17. Региональные варианты

Домовой не имел единственного образа.

Его описывали по-разному.

В материалах В. И. Даля встречаются названия:

- *домовой*;
- *домовик*;
- *дедушка*;
- *старик*;
- *постень*;
- *постень*;
- *лизун*;
- *суседко*.

Даль специально отмечает и региональную вариативность представлений.
Это чрезвычайно важно.

Перед нами не единая «мифологическая персона» с одинаковой биографией на всей территории славянского мира.

Перед нами **множество локальных вариантов традиции**.

18. Сибирский домовый

В Сибири, по данным Даля, домового могли называть **суседко**.

Уже само это название чрезвычайно интересно.

Оно подчёркивает не столько сверхъестественную природу существа, сколько его положение:

Сосед.

Он как будто живёт рядом с человеком.

Не где-то в мифическом мире.

Не на небесах.

Не в лесу.

А непосредственно рядом.

19. Домовой и подполье

В народных представлениях домовый мог быть связан с подпольем.

Это пространство имело особое значение.

Под домом находилась земля.

Там хранились запасы.

Там было темно.

Там существовало пространство, которое человек видел не полностью.

Поэтому подполье легко становилось местом локализации сверхъестественного.

20. Домовой и печь

Не менее важным пространством была печь.

Печь соединяла несколько элементов:

огонь + пища + тепло + семья + жизнь.

Она была одним из главных центров дома.

Поэтому связь домового с печью закономерна.

Афанасьев, анализируя народные представления, также связывал образ домового с огнём и огненной символикой.

Но его объяснения следует рассматривать именно как реконструкцию мифологической школы XIX века.

21. Домовой и огонь

Огонь в традиционном доме имел двойственную природу.

Он был необходим.

Но он мог уничтожить всё.

Огонь:

- согревал;
- готовил пищу;
- освещал;
- защищал;

но одновременно:

- мог вызвать пожар;

- уничтожить дом;
- погубить имущество;
- стать причиной гибели людей.

Поэтому огонь требовал особого отношения.

22. Священность домашнего огня

Именно здесь мы можем увидеть один из важнейших элементов традиционного мировоззрения.

Домашний огонь был не просто физическим явлением.

Он становился символом:

- жизни;
- продолжения семьи;
- домашнего единства;
- памяти предков.

Пока горит очаг — существует дом.

Пока существует дом — продолжается семья.

Пока продолжается семья — продолжается Род.

Эта символическая цепочка имеет огромное значение для всей философии «Родовести».

23. Домовой и Род

Мы уже говорили о Роде.

Теперь образ домового позволяет сделать следующий шаг.

Род существует не только как совокупность предков.

Он существует как пространство памяти.

Дом становится местом, где память материализуется:

- Здесь находятся вещи предков.
- Здесь живут их потомки.
- Здесь рассказываются семейные истории.
- Здесь сохраняются имена.

Поэтому домовый может быть прочитан как образ **охранительной памяти дома**.

*Но я подчёркиваю: это **интерпретация**, а не утверждение о буквальном древнем происхождении образа.*

24. Домовой и умершие

Некоторые народные представления связывали домовых с умершими членами семьи или с предками.

Однако эти представления неодинаковы в разных регионах.

Поэтому нельзя говорить о единой древней догме.

Правильнее говорить о целом комплексе народных верований, в котором:

предок → память → дом → охрана

могли соединяться в единую символическую систему.

25. Этнографический материал

Именно этнография даёт нам наиболее богатый материал о домовом.

В отличие от древнерусских летописей, этнографические записи позволяют увидеть:

- внешний облик домового;
- место его обитания;
- характер поведения;
- отношения с хозяевами;

- отношение к животным;
- способы его умиловления;
- признаки его присутствия.

Но почти весь этот массив был записан в XVIII—XX веках.

Поэтому он прежде всего свидетельствует о **поздней народной традиции**.

26. Владимир Даль

В. И. Даль занимает здесь особое место.

Его этнографические материалы ценны не только отдельными поверьями.

Они позволяют увидеть язык народа.

Слова:

«домовой», «домовик», «дедушка», «суседко»

показывают, как народ классифицировал этот образ.

Это уже не отвлечённая мифология.

Это **живая языковая культура**.

27. Александр Афанасьев

Не менее важен А. Н. Афанасьев.

Его трёхтомные «Поэтические воззрения славян на природу» были опубликованы в Москве издательством К. Солдатенкова в 1865—1869 годах. Библиографическая запись и экземпляры этого труда представлены в Российской государственной библиотеке; полные цифровые копии доступны через НЭБ.

Афанасьев стремился связать отдельные народные поверья с более древней мифологической системой.

Сегодня многие его интерпретации требуют критического пересмотра.

Но собранный им материал продолжает иметь большое значение для истории изучения славянских верований.

28. Почему Афанасьева нельзя читать буквально

Это принципиально важно!

Афанасьев принадлежал к **мифологической школе** XIX века.

Она стремилась объяснить огромное количество народных сюжетов через древние природные мифы.

Позднейшая наука подвергла этот метод серьёзной критике.

Поэтому мы должны использовать Афанасьева одновременно:

- как источник фольклорных сведений;
- как исторический памятник науки XIX века;
- как свидетель определённого этапа развития русской фольклористики.

29. Домовой в современной науке

Современные исследования рассматривают домового значительно шире.

В статье П. Азарваш, опубликованной в 2024 году в антропологическом журнале University of British Columbia, домовый анализируется как образ домашнего духа, связанного с семейной традицией, порядком и нормами поведения. Автор использует этнографический материал и рассматривает домового как элемент более широкой социальной и культурной системы.

Это направление особенно важно.

Оно показывает, что домовый интересен не только как «персонаж мифологии».

Он является способом выражения социальных представлений.

30. Домовой как хранитель нормы

Если домовой помогает тому, кто соблюдает порядок, и беспокоит того, кто его нарушает, то перед нами возникает своеобразная система народной этики.

Она говорит человеку:

- уважай дом;
- уважай старших;
- не разрушай семейный порядок;
- заботься о хозяйстве;
- не пренебрегай животными;
- соблюдай традицию.

Таким образом, мифологический образ выполняет **воспитательную функцию**.

31. Домовой и детское сознание

Особенно интересно воздействие таких представлений на детей.

Ребёнку говорили:

- не шуметь;
- не портить вещи;
- не нарушать порядок;
- не обижать животных;
- не оставлять беспорядок.

Но объяснение могло быть не только рациональным.

За нарушением стоял домовой:

- Он мог рассердиться.
- Он мог наказать.
- Он мог спрятать вещь.

Так мифологический образ помогал закреплять правила поведения.

32. Домовой и исчезнувшие вещи

Один из наиболее устойчивых мотивов — исчезновение предметов.

Если вещь невозможно найти, человек мог сказать:

«Домовой утащил».

Если предмет неожиданно находился, это могло объясняться тем, что домовой его «вернул».

Подобные рассказы встречаются в самых разных вариантах.

Их значение заключается не столько в доказательстве существования сверхъестественного существа, сколько в том, что они показывают особенности традиционного объяснения бытовой случайности.

33. Домовой и смех

В некоторых поверьях домовой мог вести себя почти как живое существо:

- сердиться;
- шутить;
- шуметь;
- прятать предметы;
- предупреждать;
- помогать.

Это делает образ особенно интересным.

Он не является абсолютным злом.

Он также не является абсолютным добром.
Он **амбивалентен**.

34. Амбивалентность

Амбивалентность — одна из главных особенностей традиционной демонологии.
Существо может быть опасным, если человек нарушает правила.
Но оно может стать помощником, если отношения с ним правильные.
Домовой именно таков.
Он:

- **не друг и не враг;**
- **не бог и не человек;**
- **не полностью добрый и не полностью злой.**

Он находится на границе.

35. Почему народ не воспринимал его как обычного «бога»

Это важное различие.
Домовой не относится к той категории богов, которую мы рассматривали ранее.
Его мир значительно ближе к человеческой повседневности.
Он связан не с громом, солнцем или войной.
Он связан с:

Домом.

Именно поэтому его следует изучать в рамках народной демонологии и бытовых верований, а не механически включать в единый «пантеон славянских богов».

36. Домовой и христианская культура

После христианизации Руси народные представления о домовых не исчезли.
Они продолжили существовать в новой культурной среде.
Это характерно для многих традиционных верований.
Христианское мировоззрение создавало новую религиозную систему, но бытовая культура сохраняла множество представлений о:

- духах;
- нечистой силе;
- домашних запретах;
- приметах;
- календарных обычаях.

Так возникало сложное сосуществование официальной религии и народной традиции.

37. Домовой в православном обществе

Для историка особенно важно не изображать эту ситуацию как простое противостояние.
Реальная жизнь была сложнее.

Человек мог:

- быть крещёным;
- посещать церковь;
- соблюдать православные праздники;

и одновременно:

- верить в домового;
- соблюдать бытовые запреты;
- рассказывать о нечистой силе.

Так существовало **двойное пространство религиозно-бытовой культуры**.

38. Домовой и календарь

В различных регионах с домовым связывались определённые календарные моменты.

Переезд в новый дом также сопровождался обрядами.

Это закономерно.

Новый дом означал:

новое пространство → новый порядок → новое хозяйство.

Поэтому человек стремился обеспечить благополучие будущего жилища.

39. Переселение домового

В народных поверьях существовало представление, что при переезде хозяев домовый может перейти вместе с ними.

Это чрезвычайно выразительный мотив.

Он показывает, что домовый воспринимался не только как дух конкретного здания.

Он мог быть связан с **семьёй**.

То есть важным становился не только дом как физическое место, но и дом как **семейная общность**.

40. Новый дом

При строительстве нового дома особое значение имели:

- место строительства;
- время начала работ;
- расположение печи;
- вход;
- порог;
- первые ночёвки;
- внесение имущества.

Каждое действие могло сопровождаться приметами и обрядами.

Дом строился не только физически.

Он **вводился в культурный порядок**.

41. Первый хозяин

В традиционной культуре начало нового дома воспринималось как событие, имеющее особое значение.

Первый человек, который входил в дом, первый огонь, первая пища, первая ночь — всё это могло получать символический смысл.

Домовой в такой системе становился своеобразным образом того, что **новый дом должен обрести внутреннего хозяина и порядок**.

42. Дом как маленький космос

Теперь мы можем сформулировать более глубокую мысль.

Для традиционного человека дом был своего рода **малой моделью мира**.

В нём присутствовали:

- земля — фундамент;
- дерево — стены;
- огонь — очаг;
- вода — источник жизни;
- воздух — пространство дыхания;
- человек — хозяин;
- семья — продолжение Рода;

- память — связь поколений.

Поэтому разрушение дома означало не только потерю имущества.

Оно могло восприниматься как **разрушение самого жизненного порядка.**

43. Домовой как образ этого порядка

Если рассматривать домового символически, он оказывается хранителем границы между хаосом и порядком.

Пока дом ухожен, семья едина, очаг горит, животные накормлены, дети рядом, старшие уважаемы — мир находится в равновесии.

Если всё это нарушается, возникает беспокойство.

В народном языке оно могло получить имя:

Домовой сердится.

44. Домовой в русской литературе

Образ домового постепенно вышел за пределы этнографических записей и народных рассказов.

Он вошёл в литературу.

Писатели использовали его:

- как фольклорный персонаж;
- как символ домашнего мира;
- как комический образ;
- как образ таинственного существа;
- как средство возвращения читателя к народной культуре.

В литературе домовый уже не обязательно сохраняет функции, которые ему приписывала традиция.

Писатель создаёт собственный художественный образ.

45. Пушкинская эпоха и фольклор

XIX век вообще стал временем огромного интереса русской литературы к народной культуре.

Писатели обращались к:

- сказкам;
- былинам;
- песням;
- народным поверьям;
- бытовым рассказам;
- языку народа.

Эта эпоха сформировала современное литературное восприятие славянской мифологии.

46. Домовой в литературной традиции

В литературном произведении домовый мог стать уже не объектом веры, а объектом художественного повествования.

Это принципиальное изменение.

Народный рассказ говорит: «так бывает».

Литература говорит: «представим, что так было».

Поэтому литературный текст нельзя использовать как прямое доказательство существования древнего культа.

Но его необходимо использовать для изучения **истории культурного образа.**

47. От этнографии к литературе

Таким образом, путь домового выглядит следующим образом:

народное поверье → этнографическая запись → научное исследование → художественная литература → современная культура.

На каждом этапе образ меняется.

Но основная идея остаётся удивительно устойчивой:

Дом должен иметь своего хранителя!

48. Домовой в современной культуре

Сегодня домовый продолжает существовать в:

- детской литературе;
- мультфильмах;
- кино;
- иллюстрации;
- сувенирной культуре;
- современной фэнтези;
- интернет-фольклоре.

Современный человек уже редко воспринимает его так, как крестьянин XIX века.

Но образ продолжает жить.

49. Почему он не исчез

Потому что исчезла вера — но не исчезла потребность в символе.

Человеку по-прежнему нужен образ:

- домашнего тепла;
- защиты;
- семейного порядка;
- памяти;
- принадлежности к своему месту.

И поэтому домовый оказался удивительно приспособлен к новой эпохе.

50. Домовой и память

Здесь мы вновь возвращаемся к главной философской линии нашей книги.

Память начинается с места.

У человека есть место, где он родился.

Есть дом, где жили его родители.

Есть дом его детства.

Есть вещи, которые принадлежали предкам.

Есть фотографии.

Есть семейные рассказы.

Есть старые предметы.

Есть запах дерева, печи, хлеба.

Всё это формирует память.

Поэтому дом — один из важнейших носителей исторической памяти.

51. Дом и Род

Если Род — это связь поколений во времени, то дом — это пространство, в котором эта связь становится видимой.

Род соединяет поколения!

Дом собирает поколения вместе!

И потому домовый в культурной памяти может быть понят как символ охраны этого пространства.

Это уже не утверждение о дохристианской религии.

Это философская интерпретация образа.

52. Что действительно известно

Теперь подведём источниковедческий итог.

Мы можем уверенно утверждать:

- образ домового широко представлен в русской и восточнославянской народной традиции;
- многочисленные сведения о нём были записаны этнографами в XVIII—XX веках;
- В. И. Даль подробно фиксировал народные представления о домовом;
- А. Н. Афанасьев включил материалы о домовом в свою сравнительно-мифологическую систему;
- домовый связан в народных поверьях с домом, семьёй, хозяйством, очагом и животными;
- образ имеет значительную региональную вариативность.

53. Что нельзя утверждать без оговорок

Но мы не можем без дополнительных доказательств утверждать:

- что именно такой образ домового существовал в X веке;
 - что домовый входил в единый древнерусский пантеон;
 - что у него существовал единый культ;
 - что все поздние поверья являются прямым продолжением дохристианской религии;
 - что современный образ домового полностью соответствует древним представлениям.
- Историческая честность требует этого разграничения.

54. Главный смысл образа

Домовой интересен нам не только как персонаж мифологии.

Он позволяет увидеть, насколько глубоко традиционный человек воспринимал **дом как живое пространство**.

Дом требовал:

- заботы;
- уважения;
- порядка;
- памяти;
- продолжения.

И если эти требования нарушались, народная культура могла представить нарушение в образе разгневанного домового.

55. Дом, который помнит

Дом помнит больше, чем кажется человеку:

- Он помнит голоса.
- Помнит шаги.
- Помнит детство.
- Помнит уход стариков.
- Помнит рождение детей.
- Помнит семейные праздники.
- Помнит похороны.

— Помнит возвращения.

Поэтому дом в традиционной культуре — это не просто стены.

Это **материальная оболочка человеческой памяти**.

56. Домовой как художественный символ памяти

И именно поэтому домовый пережил века.

Мы можем спорить о его происхождении.

Можем исследовать его региональные варианты.

Можем сравнивать русские, украинские, белорусские, польские и другие славянские представления.

Но одно остаётся очевидным:

Человек стремился наделить свой дом памятью и защитой.

Домовой стал одним из образов этой потребности.

57. Заключение главы

Я не предлагаю читателю воспринимать домового как доказанного персонажа древней славянской религии.

Источники этого не позволяют.

Но я также не предлагаю считать его простым пережитком суеверия.

Перед нами чрезвычайно богатый культурный образ.

В нём соединились:

- представления о доме;
- память о предках;
- семейная этика;
- хозяйственный порядок;
- страх перед неизвестным;
- уважение к очагу;
- отношение к животным;
- вера в невидимую защиту.

И потому домовый занимает особое место в нашей Родовести.

Он не стоит рядом с Перуном как ещё один «бог».

Он находится гораздо ближе.

Он стоит у порога человеческой жизни!

Потому что прежде чем человек выходит в большой мир, он рождается в доме.

Прежде чем узнаёт историю народа, он слышит историю своей семьи.

Прежде чем понимает значение Родины, он узнаёт своё место — **свой дом**.

И если человек теряет память о доме, он постепенно теряет память о тех, кто жил в нём до него.

Поэтому в народной культуре дом должен был иметь хранителя.

Неважно, назывался ли он домовым, домовиком, дедушкой или суседко.

Важно другое:

За этим образом стояла человеческая потребность верить, что дом не пуст.

Что его кто-то хранит.

Что память не исчезла.

Что Род продолжается.

И что даже тогда, когда последний человек покидает старый дом, в его стенах ещё долго остаётся то, что невозможно измерить никаким архивным документом, — **память о людях**.

Источники и места хранения

- **Владимир Иванович Даль.** «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» — один из основных этнографических источников для изучения представлений о домовом. Материал о домовом был опубликован Далем в 1840-х годах, отдельная книга вышла посмертно в 1880 году. Текст доступен в электронной библиотеке «Викитека».

- **Александр Николаевич Афанасьев.** «Поэтические воззрения славян на природу», Москва, К. Солдатенков, 1865—1869, 3 тома. Библиографическая запись имеется в Российской государственной библиотеке; цифровые экземпляры представлены в Национальной электронной библиотеке.

- **Национальная электронная библиотека** — цифровые копии первого и последующих томов «Поэтических воззрений славян на природу».

- **Современные этнографические исследования** продолжают фиксировать региональные варианты представлений о домовом. В частности, исследование Р. И. Сефербекова основано на полевых материалах, собранных в селениях Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана, и рассматривает локальные представления о домовом, его функциях, местах обитания и взаимодействии с человеком.

Глава 24. Кикимора

Продолжая нашу Родовесть, мы переходим от образа домового к другому существу домашнего и пограничного пространства — **кикиморе**.

Если домовый в народном представлении чаще выступает как хранитель дома и хозяйственного порядка, то кикимора связана с иной стороной домашнего мира — с тревогой, беспорядком, ночными страхами и теми явлениями, которым человек не всегда мог найти рациональное объяснение.

Но здесь особенно важно соблюдать источниковедческую точность.

Образ кикиморы дошёл до нас преимущественно не в древнерусских летописях, а в **позднейших письменных, этнографических, диалектологических и фольклорных записях**. Поэтому нельзя без доказательств переносить современные представления о кикиморе непосредственно в дохристианскую эпоху.

1. Происхождение образа

Само слово «**кикимора**» относится к числу древних и одновременно трудно объяснимых славянских названий.

Этимология этого имени не получила единственного общепринятого объяснения.

В научной литературе выдвигались различные версии его происхождения и первоначального значения.

Поэтому уже на уровне самого имени мы сталкиваемся с важной особенностью исторического исследования:

Название древнего или архаического образа ещё не означает, что нам известно его первоначальное содержание.

Одно и то же слово могло:

- изменять значение;
- приобретать новые региональные оттенки;
- объединять несколько различных представлений;
- переосмысливаться под влиянием христианской культуры;
- переходить из народной речи в литературный язык.

Именно поэтому кикимору необходимо рассматривать прежде всего, как **исторически изменявшийся фольклорный образ**.

2. Кикимора как дух домашнего пространства

В русской традиции кикимора часто связана с домом.

Однако её функции отличаются от функций домового.

Домовой может быть:

- хозяином;
- защитником;
- помощником;
- покровителем семьи.

Кикимора же значительно чаще представляется как беспокойное, вредоносное или тревожное существо.

Её присутствие обнаруживается не столько в прямом появлении, сколько через последствия.

Она может:

- шуметь ночью;
- беспокоить спящих;

- прятать вещи;
- нарушать порядок;
- пугать человека;
- мешать работе;
- беспокоить домашних животных.

Таким образом, перед нами своеобразный **образ нарушения домашнего равновесия**.

3. Домашняя и болотная кикимора

В народной традиции постепенно сформировалось различие двух основных вариантов: **домашняя кикимора**

и

болотная кикимора.

Однако это разделение не следует представлять, как строгую древнюю классификацию. В разных регионах существовали различные представления и названия.

Домашняя кикимора связывалась с:

- избой;
- печью;
- подпольем;
- сенями;
- тёмными углами;
- ночным пространством.

Болотная кикимора, напротив, помещалась в природную среду:

- болото;
- лес;
- сырые низины;
- удалённые от человеческого жилья места.

Здесь мы уже видим важную закономерность народной картины мира.

Домашнее пространство имеет своего духа.

Природное пограничное пространство — тоже.

4. Кикимора как существо границы

Особенно интересен именно пограничный характер этого образа.

Человек традиционной культуры постоянно существовал между различными пространствами:

- дом — улица;
- деревня — лес;
- поле — лес;
- сухая земля — болото;
- своё — чужое;
- день — ночь.

Кикимора как будто возникает именно там, где привычный порядок становится неопределённым.

Поэтому её образ нельзя сводить только к «злому духу».

Она представляет собой **персонифицированную тревогу перед неизвестным**.

5. Ночь

Особенно тесно кикимора связана с ночным временем.

Это закономерно.

Днём человек видит окружающее пространство.

Ночью пространство меняется.

То, что днём является обычным:

- печью;
- сундуком;
- дверью;
- лестницей;
- полом;
- сенями,

ночью может стать источником страха.

Неизвестный звук получает объяснение.

Шорох становится чьими-то шагами.

Падение предмета — действием невидимого существа.

Именно в таком культурном механизме образ кикиморы приобретает особую силу.

6. Кикимора и сон

Одним из наиболее устойчивых мотивов является воздействие кикиморы на спящего человека.

Ей могли приписывать:

- давление во сне;
- кошмары;
- невозможность пошевелиться;
- внезапное пробуждение;
- ощущение присутствия кого-то рядом.

Современному человеку подобные явления могут быть объяснены физиологически, например, особенностями сна.

Но традиционная культура располагала другим языком объяснения.

Если человек просыпался ночью, чувствовал тяжесть или страх, ему требовалось объяснение.

И таким объяснением могла становиться кикимора.

7. Кикимора и домашний беспорядок

Не менее важна связь кикиморы с нарушением порядка.

Если вещи исчезали или оказывались не на месте, человек мог объяснить это её действиями.

Такой сюжет имеет непосредственное отношение к системе народных представлений о домашнем пространстве.

Дом должен быть организован.

Вещь должна находиться на своём месте.

Хозяйство должно функционировать.

Если порядок нарушается, появляется образ существа, которое как будто **само воплощает беспорядок**.

8. Кикимора и рукоделие

В некоторых русских поверьях кикимору связывали с прядением и другими женскими занятиями.

Это особенно интересно.

Прядение в традиционной культуре было не просто бытовым занятием.

Оно было частью женского мира.

Пряжа, нить, ткань и одежда связывались с:

- женским трудом;
- подготовкой приданого;
- семейным хозяйством;
- жизненным циклом человека.

Поэтому образ кикиморы, появляющейся рядом с прялкой или вмешивающейся в рукоделие, имеет глубокий бытовой контекст.

9. Кикимора и пряжа

В народных рассказах кикимора могла:

- путать пряжу;
- мешать работе;
- заниматься прядением ночью;
- оставлять после себя следы присутствия.

Здесь вновь появляется характерный мотив.

Человек слышит ночью странный звук.

Он не видит того, кто его производит.

Но утром обнаруживает изменение в привычном порядке.

Фольклор превращает бытовую загадку в действие сверхъестественного существа.

10. Женский образ

В отличие от домового, который чаще воспринимается как мужской персонаж, кикимора преимущественно имеет женский облик.

В позднейших описаниях она может представляться:

- маленькой женщиной;
- старухой;
- худой фигурой;
- существом с необычной внешностью;
- уродливой или страшной женщиной.

Однако и здесь нельзя говорить о едином древнем каноне.

Внешний облик менялся от региона к региону.

11. Почему кикимора выглядит как старуха

Образ старухи в традиционной культуре вообще связан с пограничностью.

Старуха может быть:

- знахаркой;
- повитухой;
- колдуньей;
- хранительницей старых знаний;
- представительницей прошлого.

Поэтому женский сверхъестественный персонаж в образе старухи автоматически оказывается связанным с миром тайного знания.

Но конкретные характеристики кикиморы нельзя механически переносить на все славянские культуры.

12. Кикимора и смерть

В некоторых поздних народных представлениях происхождение кикиморы связывалось с умершими, некрещёными детьми или душами людей, погибших при определённых обстоятельствах.

Но такие представления неоднородны.

Они относятся прежде всего к **поздней народной демонологии**.

Поэтому здесь особенно важно не создавать ложную картину:

мы не имеем древнерусской летописи, которая сообщала бы: «кикимора происходит именно так».

Таких свидетельств нет.

Есть поздние фольклорные и этнографические записи, в которых встречаются подобные мотивы.

13. Кикимора и строительство дома

Особенно интересны поверья, связывающие появление кикиморы с нарушениями при строительстве дома.

В народном сознании дом должен быть построен правильно.

Нарушение порядка могло восприниматься как причина будущих несчастий.

Кикимора в таком случае становилась объяснением того, почему новый дом оказался «неблагополучным».

14. Чужое вмешательство

В некоторых поверьях считалось, что кикимору можно было «насадить» в дом.

То есть она якобы могла появиться не сама по себе, а вследствие злого воздействия другого человека.

Этот мотив особенно важен.

Он показывает, что народная демонология связывалась не только с природой, но и с человеческими конфликтами.

Если в доме происходили необъяснимые неприятности, причиной мог считаться:

- злой человек;
- колдовство;
- нарушение запрета;
- присутствие нечистой силы.

15. Кикимора как объяснение несчастья

Фольклор вообще часто выполняет функцию объяснения.

Человек сталкивается с событием:

непонятно → страшно → требуется причина.

Кикимора предоставляет эту причину.

Это не означает, что рассказчик сознательно придумывает её.

Для носителя традиционной культуры такое объяснение могло быть совершенно естественным.

16. Кикимора и дети

Особое место занимают рассказы, связанные с детьми.

Детское сознание особенно восприимчиво к ночным страхам.

Неизвестное пространство дома может казаться живым.

Шорохи становятся голосами.

Тени превращаются в фигуры.

Фольклор предоставляет готовый язык для описания этих переживаний.

Кикимора становится одной из таких фигур.

17. Кикимора и печь

Как и домовой, кикимора могла быть связана с печью.

Но смысл этой связи иной.

Для домового печь — центр домашнего порядка.

Для кикиморы — место темноты, скрытого пространства и ночного страха.

Именно поэтому один и тот же предмет может иметь в народной культуре противоположные значения.

Очаг даёт тепло.

Но за печью — тёмное пространство.

И в этой темноте может поселиться неизвестное.

18. Кикимора и подполье

Подполье особенно хорошо соответствовало её образу.

Это пространство:

- находится под человеком;
- скрыто от глаз;
- связано с землёй;
- используется для хранения запасов;
- практически не освещается.

В традиционном сознании оно естественным образом становилось пограничным пространством.

19. Болото

Если домашняя кикимора связана с домом, то болотная — с совершенно иной средой.

Болото для традиционного человека было одним из самых опасных ландшафтов.

Оно:

- скрывает глубину;
- может засасывать человека;
- затрудняет движение;
- изменяется в зависимости от сезона;
- часто покрыто туманом;
- связано с лесной глушью.

Поэтому неудивительно, что именно болото становится местом обитания фантастических существ.

20. Болото как «чужое» пространство

В нашей Родовести мы уже неоднократно сталкивались с разделением мира на освоенное и неосвоенное:

- Дом — своё.
- Деревня — своё.
- Поле — освоенное человеком.
- Лес — уже пограничное пространство.
- Болото — ещё более опасное.

Поэтому болотная кикимора является естественным продолжением этой системы.

21. Болотная кикимора

В поздних народных представлениях болотная кикимора может описываться как:

- лесное или болотное существо;
- женщина необычной внешности;
- дух влажного и опасного пространства;
- существо, способное заманивать путника.

Но эти характеристики не являются универсальными.
Они складывались постепенно.

22. Кикимора и путник

Особенно характерен мотив человека, который оказывается один на один с неизвестным пространством:

- Он заблудился.
- Наступили сумерки.
- Начался туман.
- Вокруг болото.

И тогда появляется сверхъестественное объяснение.

Так рождается сюжет о кикиморе.

Перед нами уже не просто домашний дух.

Это **образ опасной природы**.

23. Кикимора и лес

Лес в традиционной культуре никогда не был полностью нейтральным пространством.

Он давал:

- древесину;
- ягоды;
- грибы;
- дичь;
- лекарственные растения.

Но одновременно он мог скрывать:

- хищников;
- разбойников;
- болота;
- пропасти;
- заблудившегося человека.

Поэтому лесная демонология была особенно богата.

24. Сравнение с другими духами

Здесь кикимора начинает соприкасаться с целым комплексом народных образов:

- лешим;
- русалкой;
- водяным;
- полевиком;
- болотником;
- домовыми духами.

Но между ними существуют различия.

Домовой связан прежде всего с домом.

Леший — с лесом.

Водяной — с водой.

Полевик — с полем.

А кикимора способна находиться **на границе нескольких пространств**.

25. Кикимора как женский дух границы

В этом отношении её образ особенно интересен.

Она соединяет:

- дом и природу;
- человеческое и нечеловеческое;
- порядок и хаос;
- день и ночь;
- сон и явь.

Именно эта пограничность делает её столь устойчивой в фольклоре.

26. Народные поверья

В этнографических материалах кикиморе приписывались самые различные действия.

Она могла:

- шуметь;
- стучать;
- двигать предметы;
- мешать спать;
- пугать людей;
- беспокоить скот;
- путать пряжу;
- нарушать хозяйственный порядок.

Но один и тот же мотив может иметь разные региональные варианты.

Поэтому фольклорист не должен превращать десятки местных рассказов в единую «древнюю религию».

27. Главная ошибка популярной мифологии

Современные популярные издания часто создают впечатление, будто у древних славян существовал огромный и строго организованный пантеон, в котором каждому духу была заранее назначена определённая функция.

Источники этого не подтверждают.

Особенно осторожно необходимо относиться к кикиморе.

Мы имеем значительный массив **поздних народных свидетельств**, но практически не имеем ранних письменных описаний, позволяющих реконструировать её культ в Древней Руси.

28. Где искать ранние сведения

Для изучения древнерусского мировоззрения принципиальное значение имеют:

- «Повесть временных лет»;
- «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона;
- поучения против языческих обычаев;
- церковные уставы;
- сборники канонических текстов;
- древнерусские поучения;
- позднейшие рукописные сборники.

Однако необходимо отметить:

В этих источниках нет полноценного систематического описания кикиморы в том виде, в каком её представляет позднейший русский фольклор.

Поэтому искать доказательство древнего культа кикиморы непосредственно в летописи — методологически неправильно.

29. Что дают летописи

Древнерусские летописи важны для другого.

Они показывают:

- как воспринималось язычество;
- какие культы считались языческими;
- какие обряды осуждала церковь;
- как происходило христианское переосмысление народных верований.

Главные списки «Повести временных лет» представлены прежде всего Лаврентьевской и Ипатьевской летописями и их продолжениями.

Лаврентьевская летопись хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Ипатьевская летопись также находится в собрании Российской национальной библиотеки.

Но ни одна из них не даёт нам достоверного древнерусского «портрета» кикиморы. И это молчание источника само по себе важно.

30. Письменные свидетельства Нового времени

Значительно более богатый материал появляется в этнографических трудах XVIII—XIX веков.

Именно тогда исследователи начинают систематически записывать:

- народные рассказы;
- поверья;
- приметы;
- названия духов;
- описания их внешности;
- способы защиты от них.

Этот материал становится основой современной реконструкции образа кикиморы.

31. Владимир Даль

Как и при изучении домового, особое значение имеют материалы В. И. Даля.

Даль фиксировал народную лексику и поверья непосредственно в языковой среде.

Для нашей темы особенно ценны не только отдельные описания кикиморы, но и сама система народных названий.

Язык показывает, каким образом человек классифицировал окружающий мир.

32. Даль и народная демонология

Даль не создавал кикимору как литературный персонаж.

Он фиксировал существующие в народе представления.

Поэтому его труды имеют особую источниковедческую ценность.

Однако и здесь необходимо учитывать:

Даль записывал преимущественно позднюю традицию XIX века, а не языческую Русь X века.

33. Александр Афанасьев

А. Н. Афанасьев также обращался к образам народной демонологии.

Его «Поэтические воззрения славян на природу» стали одним из крупнейших трудов русской мифологической школы XIX века.

Но, как мы уже отмечали в предыдущей главе, Афанасьева необходимо читать критически.

Он стремился реконструировать древнюю мифологическую систему на основе поздних фольклорных материалов.

Современная наука значительно осторожнее относится к таким реконструкциям.

34. Кикимора в русской литературе

Особую жизнь образ получил в литературе.

Писатель уже не обязан сохранять народную трактовку.

Он может создать собственную кикимору.

Так фольклорный образ превращается в художественный.

Именно здесь начинается новый этап истории кикиморы.

35. Александр Пушкин

В пушкинскую эпоху интерес к народным сказаниям и фантастическим персонажам становится частью общего процесса формирования русской национальной литературы.

Особенно показателен пример **«Руслана и Людмилы»**, где Пушкин использует широкий круг фольклорно-сказочных образов.

Однако нельзя утверждать, что Пушкин создал «исторически достоверную кикимору».

Литература не является этнографическим протоколом.

36. Михаил Лермонтов

В русской романтической литературе вообще усиливается интерес к:

- народной фантастике;
- демоническим образам;
- таинственным существам;
- пограничным состояниям сознания.

Это литературное движение создало благоприятную среду для дальнейшего развития образов народной демонологии.

37. Николай Гоголь

Особое значение имеет Н. В. Гоголь.

В его произведениях народное суеверие становится частью художественного мира.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и других произведениях Гоголь использует фольклорную фантастику, соединяя её с юмором, страхом и народной речью.

Гоголь показывает принципиально важную вещь:

Нечистая сила может быть одновременно страшной и комической.

Это становится одной из важнейших особенностей русской литературной традиции.

38. Кикимора в музыке

Одно из самых известных художественных воплощений образа принадлежит **Анатолию Константиновичу Лядову**.

В 1909 году он написал симфоническую миниатюру **«Кикимора»**, ор. 63.

Произведение основано не на историческом документе о древней кикиморе, а на литературно-фольклорной традиции.

Лядов создаёт музыкальный образ фантастического существа.

39. «Кикимора» Лядова

Музыка Лядова особенно интересна потому, что показывает дальнейшее превращение фольклорного образа.

Кикимора становится:

не предметом веры,

а

предметом искусства.

Это важнейший этап культурной истории.
Народный образ переходит:
— из поверья — в литературу,
— из литературы — в музыку,
— из музыки — в массовую культуру.

40. Литературная кикимора

В литературе кикимора постепенно приобретает новые свойства.
Она может быть:

- страшной;
- комической;
- жалкой;
- загадочной;
- фантастической;
- гротескной.

Таким образом, художественный образ становится значительно шире фольклорного.

41. Фольклорная и литературная кикимора

И здесь нам необходимо провести чёткое различие.

Фольклорная кикимора — результат коллективной традиции.

Литературная кикимора — результат индивидуального авторского творчества.

Это два разных источника.

Если писатель описывает кикимору определённым образом, это не означает, что именно так её представлял русский народ.

42. Современная кикимора

Сегодня кикимора стала частью массовой культуры.

Она появляется в:

- книгах;
- мультфильмах;
- компьютерных играх;
- фэнтези;
- иллюстрациях;
- сувенирной продукции;
- детских произведениях.

Современная культура часто делает её почти добродушным персонажем.

Это ещё один этап трансформации.

43. От страха к улыбке

В народном рассказе кикимора могла вызывать страх.

В современной детской культуре она может вызывать улыбку.

Это показывает, насколько сильно меняется отношение общества к мифологическому образу.

Страшное становится сказочным.

Сказочное становится детским.

Детское становится культурным символом.

44. Что остаётся неизменным

Несмотря на многочисленные изменения, сохраняется одна важная черта.

Кикимора всегда находится **рядом с границей привычного мира.**

Она появляется там, где:

- темно;
- непонятно;
- тревожно;
- нарушен порядок;
- человек не контролирует пространство.

Поэтому её образ продолжает быть психологически понятным современному человеку.

45. Кикимора как образ страха

Если домовый символически охраняет дом, то кикимора показывает обратную сторону.

Она напоминает:

Дом может быть не только безопасным.

Ночью он становится неизвестным.

Каждый скрип напоминает о существовании того, чего человек не видит.

И именно в этом смысле кикимора оказывается очень древним по своей психологической функции образом.

46. Историческая осторожность

Но здесь я должен вновь обратить внимание читателя на главное.

Мы не можем сказать:

«Древние славяне верили в кикимору именно так».

Для такого утверждения недостаточно источников.

Корректнее сказать:

В русской и восточнославянской народной традиции позднего времени существовал комплекс представлений о кикиморе, который исследователи фиксировали в этнографических и фольклорных материалах.

Это утверждение соответствует источниковой базе значительно точнее.

47. Что сохранила народная память

И всё же значение образа не уменьшается от того, что мы не можем установить его точное происхождение.

Напротив.

Мы видим, как народная память работает на протяжении столетий:

— Образ меняется.

— Имя сохраняется.

— Функции меняются.

Но сама потребность объяснять неизвестное остаётся.

48. Кикимора и Родовесть

В нашей книге кикимора занимает место не как «доказанный бог древних славян», а как **свидетель народной картины мира.**

Это принципиально!

Наша Родовесть должна сохранять не только красивые легенды.

Она должна сохранять и границу между:

- **историческим фактом;**
- **этнографическим свидетельством;**
- **научной реконструкцией;**
- **литературным произведением;**

— **позднейшим художественным образом.**

Только тогда книга действительно становится историко-культурным исследованием.

49. Дом и болото

В образе кикиморы соединяются два пространства:

— **Дом.**

— **Болото.**

На первый взгляд они совершенно противоположны.

Дом — человеческий порядок.

Болото — природная неопределённость.

Но именно кикимора соединяет их.

Она показывает, что граница между человеческим и неизвестным никогда не была абсолютной.

50. Человек перед неизвестным

В этом заключается глубокий смысл народной демонологии.

Человек не знал:

- почему ночью скрипит дверь;
- почему исчезает вещь;
- почему животное внезапно беспокоится;
- почему человеку снится кошмар;
- почему путник заблудился;
- почему в лесу слышится странный звук.

Но он стремился объяснить происходящее:

— Так возникали рассказы.

— Так формировалась традиция.

— Так неизвестное приобретало имя.

51. Имя вместо неизвестности

Именно здесь кикимора становится особенно интересной.

Пока человек не знает, что происходит, перед ним хаос.

Когда явлению дают имя, появляется порядок:

— **Неизвестное получает название.**

— **Страх получает образ.**

— **Образ получает рассказ.**

— **Рассказ становится частью памяти.**

Вот почему народные персонажи переживают столетия.

52. Источниковедческий вывод

На сегодняшний день наиболее надёжную основу для изучения кикиморы составляют:

- этнографические записи;
- словари народной речи;
- фольклорные сборники;
- диалектологические материалы;
- труды русских фольклористов XIX—XX веков;
- литературные произведения;
- музыкальные сочинения;
- современные исследования традиционной культуры.

Летописные источники необходимо использовать прежде всего для общего контекста древнерусского язычества и христианизации, но не как прямое доказательство существования конкретного культа кикиморы.

53. Историческая память

Именно здесь кикимора становится частью нашей Родовести.

Историческая память — это не только память о князьях.

Не только летописи.

Не только войны.

Не только государственные решения.

Историческая память народа включает и то, **чего человек боялся ночью**.

Она включает рассказы, которые бабушка рассказывала ребёнку.

Она включает поверья, которые передавались в семье.

Она включает слова, значение которых иногда уже забыто.

Именно поэтому изучение кикиморы — это изучение не «сказочного существа», а **одного из фрагментов народной памяти**.

54. Что осталось от кикиморы

Сегодня мало кто воспринимает кикимору как реальное существо.

Но она осталась:

- в языке;
- в литературе;
- в музыке;
- в фольклоре;
- в детских сказках;
- в образах русского искусства.

И это означает, что культурная память продолжает жить даже после исчезновения первоначальной веры.

55. Заключение главы

Кикимора — один из тех образов, которые невозможно понять, если смотреть на них только как на персонажей сказок.

За ней стоит огромный пласт народной культуры.

В ней отразились:

- страх перед ночным пространством;
- уважение к дому;
- тревога перед неизвестным;
- представления о границе между своим и чужим;
- отношение к женскому труду;
- представления о лесной и болотной природе;
- народные объяснения необычных событий;
- литературная и художественная переработка фольклора.

Но историческая честность требует признать и другое.

Мы не располагаем древнерусской летописью, которая позволяла бы восстановить первоначальный культ кикиморы.

Мы не знаем, существовало ли когда-либо единое дохристианское представление о ней.

Мы не можем автоматически переносить поздние этнографические записи в X или XI век.

Зато мы располагаем огромным материалом более поздней народной культуры.

И этот материал бесценен.

Потому что он показывает, **как народ учился жить с неизвестным:**

— Человек создавал дом.

— Разводил огонь.

— Засевал поле.

— Шёл в лес.

— Переходил болото.

— Возвращался ночью.

— Слышал странный звук.

И каждый раз пытался понять:

Что находится по ту сторону видимого?

Домовой отвечал на этот вопрос образом хранителя.

Кикимора — образом тревоги.

И между ними проходила невидимая граница человеческого мира.

Граница, которая существует и сегодня.

Потому что человек может построить самый современный дом, осветить его электричеством, установить камеры и системы безопасности.

Но когда ночью внезапно раздаётся неизвестный звук, человек всё равно на мгновение прислушивается.

И в этот короткий миг древний механизм человеческого сознания оживает вновь:

Неизвестное требует имени!

Когда-то таким именем могла стать кикимора.

Источники и направления дальнейшей проверки

• **В. И. Даль.** «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» — важный корпус материалов по русской народной демонологии и народной лексике.

• **А. Н. Афанасьев.** «Поэтические воззрения славян на природу», Москва, 1865—1869 — фундаментальный труд мифологической школы XIX века; использовать с обязательной оговоркой о реконструктивном характере концепции Афанасьева.

• «**Повесть временных лет**» — Лаврентьевская и Ипатьевская летописные традиции; важны для общего контекста древнерусского язычества и христианизации, но не являются прямым источником о кикиморе.

• **А. К. Лядов.** «Кикимора», ор. 63 — симфоническая миниатюра 1909 года, важнейшее художественное переосмысление фольклорного образа.

• **Н. В. Гоголь.** «Вечера на хуторе близ Диканьки» — значимый литературный контекст русской фольклорной фантастики XIX века.

Глава 25. Леший

Продолжая нашу Родовесть, мы вступаем в пространство, которое в традиционной культуре всегда воспринималось иначе, чем человеческое поселение, — **лес**.

Лес для древнего и средневекового человека был одновременно источником жизни и пространством опасности. Он давал древесину, дичь, ягоды, грибы, мёд, лекарственные растения, но вместе с тем мог скрывать болота, овраги, хищников, разбойников и человека, потерявшего дорогу.

Именно в этом пограничном пространстве народная традиция помещает **лешего**.

Но, как и при рассмотрении кикиморы, я сразу проведу необходимую границу между историческим свидетельством и позднейшим фольклорным образом.

Леший известен нам прежде всего по этнографическим и фольклорным материалам позднего времени.

Мы не располагаем древнерусской летописью, в которой существовало бы подробное описание лешего как единого, строго определённого персонажа дохристианской религии.

Поэтому задача нашей Родовести состоит не в том, чтобы искусственно создать «древний паспорт» лешего, а в том, чтобы проследить, **как образ хозяина лесного пространства сформировался, изменялся и сохранился в народной памяти.**

1. Лес в человеческом мире

Чтобы понять лешего, сначала необходимо понять значение самого леса.

Для крестьянина лес не был просто природным объектом.

Он был частью хозяйственного мира.

Из леса приносили:

- дрова;
- строительный материал;
- ягоды;
- грибы;
- орехи;
- мёд;
- лекарственные растения;
- дичь;
- кору и лыко;
- различные материалы для ремесла.

Лес обеспечивал существование семьи.

Но одновременно лес оставался пространством, которое человек не мог полностью контролировать.

Именно это противоречие и лежит в основании многих лесных поверий.

2. Лес как граница

В народной картине мира существовала определённая последовательность пространства: **дом → деревня → поле → лес → болото → неизвестное.**

Дом был пространством человека.

Деревня — пространством общины.

Поле — пространством освоенной природы.

Лес начинался там, где человеческий контроль становился слабее.

Поэтому лес очень рано приобретает в фольклоре особый статус.

Он становится не просто местом, а **границей между освоенным и неосвоенным.**

3. Хозяин леса

Именно здесь возникает один из главных мотивов рассказов о лешем.

Леший — это не просто «лесной человек».

В народных представлениях он может выступать как **хозяин леса**, существо, связанное с его порядком.

Он способен:

- водить человека кругами;
- менять своё обличье;
- пугать путника;
- заставлять заблудиться;
- подавать звуки;
- появляться и исчезать;
- вступать в контакт с человеком.

Но различные регионы России знали разные варианты этого образа.

4. Почему человек заблудился

Один из наиболее устойчивых мотивов — **леший завёл человека**.

Человек идёт знакомой дорогой.

Но внезапно обнаруживает, что:

- дорога исчезла;
- знакомое место стало незнакомым;
- лес словно изменился;
- человек возвращается на одно и то же место;
- направление движения перестаёт определяться.

Современному человеку это легко объяснить особенностями лесной навигации.

В традиционной культуре объяснение было иным.

Человека «водит» лесной дух.

5. Круг

Особенно выразителен мотив движения по кругу.

Человеку кажется, что он идёт вперёд.

Но спустя некоторое время он возвращается туда, откуда вышел.

Фольклор превращает это реальное состояние в действие сверхъестественного существа.

Так появляется представление:

Леший запутал дорогу.

6. Потеря дороги как потеря контроля

В этом мотиве скрывается глубокий психологический смысл.

Пока человек знает дорогу, пространство принадлежит ему.

Когда дорога исчезает, контроль теряется.

Человек оказывается один на один с лесом.

И тогда возникает вопрос:

Кто теперь хозяин этого пространства?

Фольклор отвечает:

Леший.

7. Облик лешего

В народных рассказах леший не имеет единственного постоянного облика.

Его могли описывать как:

- человека;
- старика;
- высокого мужчину;
- лесного духа;
- необычно одетого человека;
- существо огромного роста;
- маленькую фигуру.

Иногда его описывали как человека с необычными признаками.

Но эти характеристики нельзя объединять в единый «канонический портрет».

Такого портрета народная традиция не знала.

8. Способность изменять размер

Одним из наиболее выразительных мотивов является изменение роста.

Леший может быть:

- выше деревьев;
- ростом с человека;
- маленьким;
- почти незаметным.

Эта особенность имеет символическое значение.

Лес сам по себе изменяет масштаб окружающего человека мира.

Дерево кажется огромным.

Расстояние трудно определить.

Знакомая поляна может выглядеть совершенно иначе.

Леший словно получает способность принимать масштаб самого леса.

9. Леший и дерево

Леший неразрывно связан с деревьями.

Это принципиально отличает его от домового.

Домовой принадлежит человеческому пространству.

Леший — пространству леса.

Поэтому в народном сознании он может восприниматься почти как **олицетворение самого леса**.

10. Лес как живое пространство

Современный человек привык говорить о природе объективным языком:

- Лес — экосистема.
- Дерево — биологический организм.
- Животные — представители видов.

Но традиционное сознание воспринимало окружающий мир иначе.

Природа могла казаться наполненной волей:

- Она отвечала на человеческое поведение.
- Она могла быть благосклонной.
- Могла быть опасной.
- Могла «наказать».

В таком мире леший становился естественным образом персонификации леса.

11. Хозяин и человек

Отношения человека с лесом в народных представлениях не обязательно были исключительно враждебными.

Леший мог:

- пугать;
- обманывать;
- заставлять заблудиться;
- но в некоторых сюжетах и помогать.

Это очень важно!

Если представить лешего только как злого демона, мы потеряем значительную часть народной картины мира.

Он скорее выступает как **хозяин чужого пространства**.

А с хозяином нужно соблюдать правила.

12. Правила поведения

Человек, входящий в лес, должен вести себя осторожно.

Не следует:

- без необходимости шуметь;
- нарушать запреты;
- уничтожать всё подряд;
- пренебрегать лесом;
- проявлять неуважение к неизвестному.

Такие представления можно рассматривать и как своеобразный механизм экологического поведения.

Фольклор формировал осторожность!

13. Леший и охотник

Особенно тесно леший связан с охотниками.

Охотник входил в лес глубже большинства других людей.

Он зависел от:

- следов животных;
- знания местности;
- погоды;
- поведения зверя;
- состояния леса.

Ошибка могла стоить жизни.

Поэтому охотничьи рассказы особенно богаты мотивами лесного хозяина.

14. Леший и пастух

Другой важный персонаж сельской жизни — пастух.

Пастух мог проводить значительную часть дня вдали от деревни.

Он находился между человеческим поселением и лесом.

Поэтому рассказы о лешем могли быть связаны и с пастушеской традицией.

15. Леший и скот

В некоторых поверьях лесной дух мог влиять на животных.

Скот мог:

- потеряться;
- уйти в лес;
- вести себя необычно;
- не возвращаться вовремя.

Если причина была неизвестна, возникало сверхъестественное объяснение.

Леший как хозяин леса мог «забрать» животное.

16. Леший и музыка

Особый мотив связан с лесными звуками.

Человек слышит:

- смех;
- свист;
- голос;
- стук;
- пение;
- ломание ветвей.

Но никого не видит.

В условиях леса подобные явления совершенно естественны.

Однако для традиционного человека они могли восприниматься как признаки присутствия лесного существа.

17. Голос без человека

Это один из самых древних механизмов возникновения фольклорного образа.

Человек слышит голос, но не видит его источника.

Значит, голос принадлежит невидимому существу.

Так неизвестное получает объяснение.

Леший может быть услышан раньше, чем увиден!

18. Смех

В фольклоре особенно характерен мотив лесного смеха.

Человек слышит смех в стороне.

Подходит ближе.

Но никого нет.

Затем смех слышится уже в другом месте.

Так возникает ощущение, что лес сам перемещает источник звука.

Именно такие сюжеты усиливают представление о сверхъестественном хозяине пространства.

19. Леший и обман чувств

Лес обладает особенностью, которую человек всегда ощущал физически.

В нём трудно определить расстояние.

Звук может распространяться необычным образом.

Деревья закрывают обзор.

Туман меняет перспективу.

Ветер переносит звуки.

Поэтому лес особенно легко превращается в пространство фольклорной иллюзии.

20. Леший как мастер обмана

Именно поэтому в народных рассказах он часто способен:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.